

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

УДК 930.2+94(574)+94(470)

ББК 63.1(2)+63.1(5Каз)

Причины и характер присоединения Казахстана к Российской империи: историография проблемы

А.А. Алинов¹, М.А. Демин^{2,3}

¹ Березовская общеобразовательная средняя школа (Павлодар, Казахстан)

² Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

³ Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Reasons and Nature of the Accession of Kazakhstan to the Russian Empire (Historiography of the Problem)

A.A. Alinov¹, M.A. Demin^{2,3}

¹ Berezovskaya secondary school (Pavlodar, Kazakhstan)

² Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

³ Altai State University (Barnaul, Russia)

Статья посвящена анализу исторических концепций, выработанных советскими, российскими и казахстанскими историками по одному из самых дискуссионных вопросов истории российско-казахских отношений, касающемуся причин и характера присоединения Казахстана к Российской империи. Советские историки много сделали для накопления фактологической базы изучения российско-казахских отношений. Однако следование заранее заданным тезисам идеологического характера сужало проблематику исследований и затушевало сложность и противоречивость рассматриваемых явлений.

В постсоветский период в российской исторической науке используются новейшие методологические подходы для изучения феномена империи, требующие нейтральных оценок с учетом различных аспектов имперского строительства и имперской практики. Одномерные обличительные характеристики стали уступать место вопросам исторического опыта Российской империи, объяснению того обстоятельства, как в условиях конфессионального разнообразия и многонационального состава населения ей удавалось сохранять устойчивость на протяжении многих веков.

The article is devoted to the analysis of historical concepts developed by Soviet, Russian and Kazakhstan historians on one of the most debatable issues in the history of Russian-Kazakh relations, regarding the reasons and nature of Kazakhstan's accession to the Russian Empire. Soviet historians have done a lot to accumulate a factual base for studying Russian-Kazakh relations. However, following predetermined ideological theses narrowed the problems of research and obscured the complexity and inconsistency of the phenomena under consideration.

In the post-Soviet period, Russian historical science uses the latest methodological approaches to study the phenomenon of empire, requiring neutral assessments taking into account various aspects of imperial construction and imperial practice. One-dimensional damning characteristics began to give way to issues of historical experience of the Russian Empire, explaining how, in conditions of confessional diversity and multinational composition of the population, it managed to maintain stability for many centuries.

In the 1990s in Kazakh historiography, the concept of "voluntary entry" of Kazakhstan into Russia was radically revised with an emphasis on exposing the colonial essence of Russian transformations in the region.

В 1990-е гг. в казахстанской историографии кардинальному пересмотру была подвергнута концепция «добровольного вхождения» Казахстана в состав России с акцентом на разоблачение колониальной сущности российских преобразований в регионе. В последние два десятилетия в казахстанской исторической науке происходит постепенный отход от односторонних радикальных оценок и политической конъюнктуры, появляются более взвешенные и обоснованные характеристики присоединения Казахской степи к Российскому государству.

Ключевые слова: колонизация, присоединение, Казахская степь, Российская империя.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)3-05

Ряд сюжетов историографического характера, связанных с колонизацией Казахской степи Российской империей, в советский период поднимались в работах Г.Ф. Дахшлейгера, Д.И. Дулатовой, Б.А. Тулепбаева, А.К. Абилова, Ж.К. Касымбаева и М.К. Козыбаева, выступавших с позиции прогрессивного значения вхождения Казахстана в состав России. Позднее к историографии рассматриваемой темы обращались А.М. Абдилдабекова, Б.К. Айтенова, Ж.Б. Кундакбаева [1; 2; 3, с. 82–86]. Попытку сделать критический обзор различных тенденций в сфере мифологизации истории Казахстана предпринимали В.А. Моисеев, Н.Э. Массанов, Ж.Б. Абылхожин и И.В. Ерофеева [4, с. 5–11; 5]. Развернутый анализ историографии вхождения Туркестана в состав России дан в докторской диссертации С.Н. Брежневой [6].

Таким образом, историография присоединения Казахстана к России уже становилась темой специальных исследований, отражавших особенности соответствующих этапов развития исторической науки в СССР, России и Казахстане. Разнородность оценок и широкая палитра мнений, содержащихся в этих трудах, диктуют необходимость дальнейшей разработки темы с акцентом на современное состояние изучения данной проблемы.

В дореволюционной историографии причины движения России в Центральную Азию оценивались как «исторический импульс», вызванный задачей «самосохранения» русской государственности, стремлением достичь «естественных границ» и «цивилизаторской миссией» России на Востоке.

В 1920-е гг. стало преобладать негативное отношение к действиям имперских властей в Средней Азии и Казахстане, что соответствовало концепции «абсолютного зла» и теории «торгового капитализма» М.Н. Покровского. В работах Г.С. Токжанова, Г. Сафарова, П.Г. Галузо, С.Д. Асфендиарова подчеркивалось, что завоевания царизма на Востоке вписа-

Over the past two decades, Kazakh historical science has been gradually moving away from unilateral radical assessments and political conjuncture, more balanced and justified characteristics of the accession of the Kazakh Steppe to the Russian state appear.

Key words: colonization, accession, Kazakh Steppe, Russian Empire.

ны в летопись человечества «пламенеющим языком меча и огня», сопровождалась насилием, жестокостью и «ограблением казахских масс» [7, с. 116–117]. Колонизация Казахстана была поставлена в один ряд с европейскими завоевательными акциями.

С середины 1930-х гг. задачи укрепления многонационального государства СССР потребовали иных политических оценок прошлого, в результате чего родилась теория «наименьшего зла», согласно которой присоединение к России в XVI–XIX вв. азиатских народов рассматривалось как наименьшее зло по сравнению с их завоеванием другими государствами. Эта концепция отрицала добровольный характер присоединения, но предполагала уход от однозначно негативной характеристики колонизации Казахстана, которая, по заключению историков, способствовала усилению классовой борьбы и развитию экономических связей с Россией. Новые оценки нашли место в трудах М.П. Вяткина, А. Ибраева по истории Казахской ССР в изданиях 1940–1950-х гг.

В работах 1960–1980-х гг. активно утверждается концепция прогрессивного значения присоединения Казахстана к России, выявляются причины и исторические корни сближения русского и казахского народов. Историки стали утверждать, что предпосылки этого процесса были заложены еще в XVI в., в период присоединения Казанского и Сибирского ханств, когда рубежи Российского государства приблизились к казахским степям [8, с. 36–38; 9, с. 23]. Точка зрения о добровольном вхождении Казахстана в состав России получила развитие в официальных материалах всесоюзного празднования этого события в 1981 г., в «Истории Казахской ССР» (1979 г.), трудах Н.Е. Бекмахановой, Б.С. Сулейменова, В.Я. Басина, Т.Ж. Шоинбаева.

В конце 1980-х гг. в ходе демократических преобразований, сопровождавшихся плюрализмом исторических взглядов, происходило активное обсуждение проблем национальных отношений в досо-

ветской России. Пересматривая ряд устаревших концепций, российской историографии 1990-х гг. в этом вопросе в основном удалось избежать радикальных политизированных оценок.

Ряд исследователей развивали идеи советских историков о росте российского капитализма вширь и торгово-экономических связях как важной предпосылке мирного присоединения новых территорий. Так, в коллективной монографии «Россия, Запад и мусульманский восток в колониальную эпоху» (1996 г.) отмечалось, что под влиянием экономики России и переселения русских крестьян в Казахстане развивалось земледелие, ускорился рост товарно-денежных отношений, зарождались капиталистические отношения [10, с. 3–25].

В российской исторической литературе 1990-х — начала 2000-х гг. получает признание идея о присоединении Казахской степи как постепенном расширении Российской империи на восток, которое остановилось только на естественных рубежах. Такая постановка проблемы в какой-то степени учитывала оценки дореволюционной историографии о продвижении России в Центральную Азию как необходимости оформления прочной государственной границы и в целом «сохранении» русской государственности.

А.В. Ремнев ввел в науку понятие «азиатской границы», согласно которому пространство азиатских окраин при слабой заселенности русскими создавало геополитически опасную ситуацию, что вынуждало царское правительство к активным действиям в этих регионах [11]. В работах Е.В. Безвиконой, И.Л. Дамешек, В.А. Моисеева, Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимовой, Е.В. Тарасовой, М.В. Стуровой обосновывается точка зрения о том, что русская территориальная экспансия носила преимущественно стратегический характер, определялась потребностями военной безопасности и государственной стабильности.

Новые подходы к изучению присоединения Казахской степи к Российской империи формулируются в рамках концепции «оборонительного экспансионизма». По словам Н.Е. Бекмахановой, расширение Российской империи происходило на основе действий на опережение соседних (Китай, Хива, Коканд) и дальних заинтересованных стран (Иран, Англия) [12, с. 8–9]. Авторы коллективной монографии «Центральная Азия в составе Российской империи» отмечают, что из-за соперничества в регионе разных зарубежных государств казахское общество оказалось в положении поиска помощи более сильной и могущественной державы. В результате по инициативе самих казахских жузов определился курс на их добровольное вхождение в состав России [13, с. 37–39, 44].

Для выработки новых методологических подходов в российской исторической науке важное значение имели работы западных ученых по империио-

логии, публикация труда А. Каппелера «Россия — многонациональная империя. Возникновение. История» и обсуждение «имперской истории» России на страницах академического издания «Ab Imperio». В русле новейших макроисторических теорий С.В. Лурье определяет империю как открытую динамическую гетерогенную систему, находящуюся в состоянии неустойчивого равновесия, как политико-культурный феномен, требующий нейтральной оценки с учетом различных аспектов имперского строительства и имперской практики [14, с. 16–20].

В новейшей российской исторической литературе понятие «империя» стало употребляться без оценочных суждений, в качестве категории, описывающей определенную форму многонационального государства, использовавшего разнообразные формы и методы интеграции восточных областей в состав России. Внимание исследователей акцентировалось на вопросе исторического опыта Российской империи, определения того, каким образом в условиях конфессионального разнообразия и многонационального состава населения ей удавалось сохранять устойчивость на протяжении многих веков. Получила распространение точка зрения о том, что Российская империя не стремилась к ассимиляции народов, ее населяющих, что позволило казахам сохранить социальную целостность и национальную идентичность и явилось базой для создания суверенного государства Казахстан [13; 15].

В последнее десятилетие некоторые российские историки для изучения колониционных процессов на востоке Российской империи используют сформулированную И.В. Побережниковым теорию фронтальной модернизации. Она связывает территориальное расширение Российской империи с модернизационными явлениями, которые сопровождалась интеграцией периферии в политическое, экономическое и социокультурное пространство страны, сближением центра и окраин при сохранении их цивилизационно-культурного своеобразия [16, с. 18–23; 17, с. 72–80; 18, с. 1480–1487]. По заключению Р.Ю. Почакаева, современные научные исследования, осуществляемые на основе концепции фронтальной модернизации, убедительно доказывают многообразие методов и факторов восточной политики России и несостоятельность ее изучения в рамках «колониаторского» или классового подходов [19, с. 16–17]. Российская имперская модель, по мнению современных авторов, отличалась от европейской, потому как для России экономической императив никогда не определял ее территориальные захваты. Государственная власть стремилась к социально-правовому равенству всех народов в составе империи. Русские не стали титульным этносом и, в отличие от европейских народов, не извлекали каких-либо материальных выгод из эксплуатации

национальных окраин. Все это, по заключению ученых, ставит под сомнение колонизаторскую сущность Российской империи в ее европейском понимании [20, с. 31]. При этом определенное влияние на характер процесса интеграции конкретных казахских земель в общеимперское пространство имел, как отмечают современные исследователи, личностный фактор: политика региональной имперской администрации и национальной элиты [21].

Пересмотреть одномерные оценки «духовной экспансии» России позволяет концепция аккультурации [22], предусматривающая изучение интеграции национальных меньшинств в общеимперский социум. С.В. Джунджузов и С.И. Ковальская рассматривают аккультурацию как культурное влияние в рамках единого государственного организма, ставящее целью создать из новоприсоединенных жителей лояльных имперских подданных с собственной этноидентичностью и возможностью обратного влияния со стороны этих народов [23, с. 11–13]. М.В. Стурова на примере образовательных учреждений показала, что включение казахов в новую культурно-языковую среду прошло сложный путь, а «инородческие школы» представляли собой «синтезную модель» российско-имперской и казахско-мусульманской культурно-цивилизационных основ, выступали посредником в распространении русского языка и грамоты [24].

Цивилизаторская миссия России в Казахской степи представлена в работах О.Е. Сухих. Она пришла к выводу, что российские власти проводили политику сближения казахского кочевого общества с русским, выравнивая уровень развития двух народов за счет «подтягивания» казахов к русским в политическом, экономическом, нравственном и религиозных отношениях. По ее мнению, российская сторона брала на себя роль просвещающего и воспитывающего наставника. Просвещение кочевников должно было сыграть на пользу Российскому государству и сделать казахов более мирными и управляемыми [25; 26, с. 92–94]. В качестве основного пути скрепления империи в единое целое, по мнению В.С. Дякина, царское правительство избрало постепенное внедрение русского языка как общегосударственного [27, с. 17]. Российские авторы призывают национальных историков постсоветских стран преодолеть сформировавшейся у них негативный образ России, которая отнюдь не была той «империей зла», какой она нередко предстает в некоторых школьных учебниках.

Создание нового государства — Республики Казахстан вызвало всплеск интереса к истории своей страны. Перед казахстанскими историками остро встала проблема изучения и анализа факта потери независимости в результате вхождения в состав Российской империи. В ходе дискуссий 1990-х гг. ряд историков обоснованно оценивали присоединение

Казахстана как многогранный и противоречивый процесс, который происходил в сложных внешнеполитических и внутренних условиях. Получил развитие тезис Ж.К. Касымбаева о том, что значительная часть Младшего и некоторые земли Старшего жузов приняли российское подданство добровольно, а большая часть Среднего жуза и области Южного Казахстана были присоединены с помощью военной силы. При этом сближение и взаимопроникновение культур народов России и Казахстана обогатили общечеловеческую цивилизацию новыми открытиями, идеями и именами [28].

К началу 2000-х гг. в казахстанской историографии кардинальному пересмотру была подвергнута концепция «добровольного вхождения» Казахстана в состав России с акцентом на разоблачение колониальной сущности российских преобразований в Казахской степи. В литературе подчеркивалось, что Казахстан в результате крестьянской и военной колонизации потерял свою политическую независимость и государственный суверенитет почти на 260 лет [29, с. 7–8].

Сторонники умеренной точки зрения на процесс присоединения отмечали, что Казахстан вошел в состав России, руководствуясь политическими соображениями, в условиях нарастающей агрессии со стороны других стран [30, с. 78]. При этом казахской стороной подданство не воспринималось как полная потеря независимости, оно отражало феодальное понятие вассальной зависимости [31, с. 139].

Представители радикального направления в казахстанской историографии 1990-х гг. акцентировали негативные стороны присоединения, апеллируя понятиями «завоевание» и «колонизация». Так, М.К. Козыбаев подчеркивал, что «колониализм» Российской империи олицетворял национальный гнет, грабеж природных богатств, геноцид и как зло подлежит осуждению [32, с. 6]. По словам М.Ж. Абдирова, с самого начала присоединение Казахстана к России носило военно-насильственный, агрессивный-наступательный характер: «Практически вся территория Казахстана в течение двух веков была огромным театром военных действий, где вооруженные силы империи вели самую настоящую войну с казахским народом» [33, с. 140; 34, с. 280]. По заключению С.Б. Атушевой, царизм рассматривал казахское общество как объект колониальной экспансии, использовал его для разрешения и нейтрализации острых экономических противоречий в самой метрополии [35, с. 70–72]. В литературе утверждался тезис, что царское правительство путем внедрения русского языка в образовательные учреждения стремилось к духовному порабощению казахского народа [36, с. 107–111; 37, с. 87–96], у казахов были отняты не только свобода, земля, природные богатства, но и историческая память [38, с. 11].

В последние два десятилетия в казахстанской исторической науке происходит постепенный отход от односторонних радикальных оценок и политической конъюнктуры, появляются более взвешенные характеристики присоединения Казахской степи к Российской империи. Тем не менее в современной казахстанской историографии широко представлена концепция «завоевания», в рамках которой развивается идея об «экспансии» России как колониальной империи в Казахскую степь. З.Т. Садвокасова отмечает, что на первоначальном этапе колонизации Казахстана (XVIII — начало XIX в.) происходило установление российского протектората. Последующая эскалация колониальной агрессии России в Казахстане включает в себя три фазы: военную, политическую и экономическую экспансию. Военная эскалация, по мнению историка, включала в себя строительство укрепленных линий, подавление вооруженного сопротивления казахов. Политическая — ликвидацию ханской власти и создание административно-территориального управления. Экономическая — имела своей целью превращение страны в сырьевой придаток. Все это сопровождалось духовной экспансией с целью завоевания умов казахского населения [39, с. 58, 65].

З.Т. Садвокасова пишет о необходимости исследования духовной экспансии царизма в Казахстане как серьезной научной проблемы, утверждая, что в национальных окраинах русское самодержавие проводило такую же политику, какую осуществляли европейцы и американцы в своих колониях. Она заключалась в ликвидации национальных государственных учреждений и русификации [39, с. 56; 40, с. 6].

Однако спектр проблем присоединения Казахской степи к Российскому государству в современной казахстанской историографии не ограничивается идеями «завоевания» и «экспансии». Наряду с ними разрабатываются концепции о территориальном расширении Российской империи, о России как об «обороняющейся» стороне по отношению к воинственным кочевникам Степи.

Ряд исследователей территориальное расширение Российского государства на восток и юго-восток связывают с общемировым процессом формирования крупных централизованных и оседло-земледельческих государств в качестве «империй» [41, с. 353]. Оно было обусловлено соображениями военно-стратегического и геополитического характера, потому как в борьбу за пограничные территории с Россией (в разное время и на разных участках границы) включались Персия, Турция, Китай, Великобритания и другие государства [42, с. 5]. Как отмечает М.Ж. Абдиров, Центральная Азия была яблоком раздора в «Большой игре» между мировыми державами [43, с. 41–43].

В таких условиях, по мнению А.М. Абдилдабековой, российское правительство стремилось не допускать создания на своих границах политических образований, которые могли бы совершать набеги на имперскую территорию, а в дальнейшем стать союзником Китая, Ирана или Турции. Она отмечает, что включение в состав Российской империи Казахстана не имело для Петербурга существенного стратегического или экономического значения и было обусловлено общим механизмом территориального расширения Российской империи [44, с. 115].

Концепция о России как об «обороняющейся» стороне по отношению к воинственным кочевникам представлена в работах Б. Ауельбекова. По его мнению, Россия была не агрессивной, а скорее обороняющейся стороной, которая была вынуждена брать «буйную Казахскую степь» в кольцо крепостей и пограничных линий, и «дробить ее политическими мерами на части изнутри» [45, с. 66–73]. Строительство крепостей по всему периметру Казахской степи для Российской империи было жизненной необходимостью, и связано с охраной южных рубежей страны [46, с. 18–25]. З.Е. Кабулдинов также указывает на то, что военно-оборонительные линии должны были способствовать прекращению набегов казахов на внутренние российские территории, сопровождавшиеся угоном людей и скота из Сибири [47, с. 270–273].

В работах многих современных казахстанских историков проводится мысль о необходимости поиска положительного опыта в российско-казахских отношениях XVIII — начала XX в.

Е.С. Сыздыкова приходит к выводу, что исследователи из числа офицеров Генерального штаба были заинтересованы в максимальном расположении местного населения к русской власти: «В ходе мероприятий, направленных на завершение присоединения к России, они всячески пытались доказывать преимущество российской системы управления перед кокандской, хивинской, бухарской и китайской, направить развитие казахского народа по цивилизованному пути» [48, с. 244–245].

Инкорпорирование казахов в имперскую систему управления в статье Г.С. Султангазиевой представлено как положительный опыт сотрудничества. Российское правительство через казахскую родовую знать получало каналы воздействия на население, осуществляло контроль над территорией казахских кочевий. Представители казахского народа, находясь на службе, приобретали определенные управленческие методы и приемы, а затем адаптировали свой опыт к местным реалиям [49].

А.С. Ильясова изучила деятельность Западно-Сибирского отдела РГО по исследованию Северо-Восточного Казахстана. По ее мнению, со второй

половины XIX в. наблюдается повышенный интерес российских ученых, деятелей культуры к истории казахов. На их опыт опирались казахские ученые, писатели и просветители Ч. Валиханов, Ы. Алтынсарин, А. Кунанбаев, Ш. Кудайбердиев, М. Шорманов. А.С. Ильясова пришла к заключению, что передовые русские ученые проявляли подлинный интерес к казахскому народу, изучали его культуру и быт, тем самым их деятельность способствовала сближению русского и казахского населения [50]. На положительные результаты взаимодействия и взаимовлияния русского и казахского народов в XVIII — XIX вв. указывается и в школьном учебнике по истории Казахстана 2019 г. [51, с. 63].

Таким образом, историки обеих стран приходят к пониманию, что прошлое российско-казахских взаимодействий не должно оказывать отрицательного влияния на современные отношения двух соседних дружественных держав, а наоборот, должно способствовать формированию положительного образа наших народов. По справедливому замечанию Ж.Б. Кундакбаевой, в историческом плане Казахстан следует характеризовать не как «осколок Российской империи», а как соседа, с которым накоплен большой опыт сосуществования в пределах одного государства и имеется обширная общая граница [42, с. 4].

Библиографический список

1. Абдилдабекова А.М. Историография присоединения Казахстана к России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2001.
2. Айтенова Б.К. Современная историография Казахстана о проблемах российской колонизации и национально-освободительного движения в Казахской степи : дис... канд. ист. наук. Омск, 2007.
3. Кундакбаева Ж.Б. Проблема политики России в Казахстане в XVII–XIX вв. в отечественной историографии // Вестник КазГУ. Серия историческая. Алматы, 2003. №1.
4. Моисеев В.А. Россия и Казахстан: современные мифы и историческая реальность : сборник научных и публицистических статей. Барнаул, 2001.
5. Масанов Н.Э., Абылгожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007.
6. Брежнева С.Н. Историография присоединения Туркестанского края к России (вторая половина XIX — начало XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
7. Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). Алма-Ата, 1936. Т. 1.
8. Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата, 1982.
9. Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII — начале XIX века / отв. ред. А.Н. Нусупбеков. Алма-Ата, 1981.
10. Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху / редколл.: Н.Н. Дьяков, С.М. Иванов. СПб., 1996.
11. Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX — начала XX в.) // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. Омск, 2002. URL: <http://zaimka.ru/remnev-border/> (дата обращения: 20.12.2015).
12. Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. // Историко-географическое исследование. М., 2015.
13. Центральная Азия в составе Российской империи / С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова и др. М., 2008.
14. Лурье С.В. Imperium. Империя — ценностный и этнопсихологический подход, М., 2012.
15. Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.Л. Зиновьев и др. М., 2007 (Окраины Российской империи).
16. Побережников И.В. Фронтирная модернизация в истории России // Экономическая история. 2013. № 2(21).
17. Побережников И.В. Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61).
18. Лысенко Ю.А., Гончаров Ю.М. Бухарский эмират и Хивинское ханство во внешней политике Российской империи: опыт фронтирной модернизации // Былое и годы. Российский исторический журнал. 2017. Т. 46, вып. 4.
19. Почекаев Р.Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии. 1717–1917. Юридические аспекты фронтирной модернизации. М., 2020.
20. Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.). Барнаул, 2014.
21. Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в. М., 2017.
22. Любичанковский С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи : исторический опыт Оренбургского края (середина XIX — начало XX вв.). Оренбург, 2018.
23. Джунджузов С.В., Ковальская С.И. Имперская политика аккультурации и проблема колониализма

(на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи). Оренбург, 2019.

24. Стурова М.В. Система начального школьного образования в Степном крае во второй половине XIX — начале XX века : этноконфессиональный аспект : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017.

25. Сухих О.Е. Как «чужие» становятся «своими» или Лексика включения Казахской степи в имперское пространство России. 2005. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kak-chuzhie-stanovyatsya-svoimi-ili-leksika-vklyucheniya-kazahskoy-stepi-v-imperskoe-prostranstvo-rossii> (дата обращения: 07.04.2016).

26. Сухих О.Е. Образ казахов-кочевников в записках русского администратора // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: Международный Евразийский форум (III научная конференция) : тезисы докладов и сообщений. Омск, 2003.

27. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб., 1998.

28. История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк) / редкол.: А.К. Акишев, М.Х. Асылбеков, К.М. Байпаков [и др.]. Алматы, 1993.

29. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : в 5 т. Т. 3. Алматы, 2000.

30. Галиев В.З. Национально-освободительное движение казахского народа. В свете новых исследований // Мысль : общественно-политический журнал. Алматы, 1993.

31. Ирмуханов Б.Б. Казахстан: историко-публицистический взгляд. Алматы, 1996.

32. Козыбаев М.К. История России есть история страны, которая колонизируется // Столичное обозрение. Алматы, 1998. 8 мая.

33. Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана. Алматы, 1994.

34. Абдиров М.Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (из истории военно-казахской колонизации края в конце XVI — начале XX вв.). Астана, 2000.

35. Атушева С.Б. Переселенческая политика царской России и кризис традиционного казахского общества // Мысль : общественно-политический журнал (Алматы). 2000.

36. Султангазиева Г.С. Русификаторская политика царизма в Казахстане (XIX — начало XX вв.) // Вестник КазГУ. Серия историческая. Алматы, 1993.

37. Садвокасова З., Махаева А. Негативные последствия колониальной политики царизма в Казахстане // Евразийское сообщество : научно-популярный журнал (Алматы). 2003. №3.

38. Кан Г.В. История Казахстана : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Алматы, 2005.

39. Садвокасова З.Т. Исследование духовной экспансии в контексте колониальной политики царизма в Казахстане как научная проблема // Отан тарихы. 2007. № 3.

40. Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II половина XIX — начало XX веков). Алматы, 2005.

41. История Казахстана и Центральной Азии : учебное пособие / М.Х. Абулсеитова и др. Алматы, 2001.

42. Кундакбаева Ж.Б. Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.

43. Абдиров М.Ж. Завоевание Южного Казахстана царской Россией как плацдарм для наступления в Среднюю Азию // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2005. № 1.

44. Абдилдабекова А.М. Региональный подход в изучении политики царской власти в отношении казахов // Казахстан — Спектр : научный журнал Астана, 2011.

45. Ауельбеков Б. Колонизация Казахстана и восстание Кенесары Касымова. Ч. I // Мысль : общественно-политический журнал. Алматы, 2012. № 6.

46. Ауельбеков Б. Колонизация Казахстана и восстание Кенесары Касымова. II часть // Мысль : общественно-политический журнал (Алматы). 2012. № 7.

47. Кабульдинов З. Е. Казахское Ханство и его военное противостояние с Российской империей на территории Западной Сибири // Вестник Евразийского национального университета (Астана). 2016. № 1. URL: <http://kazneb.kz/bookView/view/?brId=1600241&lang=ru> (дата обращения: 27.11.2020).

48. Сыздыкова Е.С. Российские военные и Казахстан: Вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII–XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России / под ред. Н.Е. Бекмахановой. М., 2005.

49. Султангазиева Г.С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирования и направление деятельности (XIX в.). 2009. URL: <http://e-history.kz/media/upload/1299/2015/0/20/68aaa3b7427192987c5e68cef01486e1.pdf> (дата обращения: 25.03.2016).

50. Ильясова А.С. Деятельность Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества по изучению Северо-Восточного Казахстана во второй половине XIX — начала XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2006.

51. Джандосова З.С. История Казахстана : учебник для 11 класса общеобразовательной школы. Алматы, 2019.